

Красиков В.И.

ЭФЕМЕРИДЫ

Грациозно-хрупкие бабочки, прекрасные своей бесцельной и незащитной красотой, чья жизнь, если повезет, длится несколько дней, но, как правило, кончается в конце долгого дня их же рождения, всегда вызвали у меня ассоциации-анalogии с нашим существованием. Существованием эфемерным: мимолетным, по большому счету бессмысленным, но и почему-то щемяще-трогательным и прекрасным.

Полет бабочки-однодневки начинается в молочном тумане росистой предрассветной тиши летнего утра, когда мир еще наполнен энергией предстоящего существования, формы и звуки напоены свежестью, объемом, необычностью и новизной. День сулит вновь рожденному, пребывающему в энтузиазме доверия узнавания, источающему восторг надежды существу столь же небывалое и значительное.

Мир солнца и яркого света оказывается, однако, миром жестокого дневного зноя, неумолимой причинности, жесткого прагматизма борьбы за выживание, где царствует логика воли и обмана, называемая в одних случаях причинностью, в других – судьбой. Красота и фантазия здесь также учтены, измерены, конвертированы в валюту сил и воли. Им снисходительно разрешено окаймлять грубость мощи первопричин этого существования. Бабочки здесь – по сути легко устранимая, прекрасная, но лишь декоративная деталь этого мира. И лишь в пресыщено-благополучных состояниях этого мира разрешено существование подобных декоративных существ.

Послезакатные сумерки дневного мира, уставшего от многоделания, перегрева заботами, духоты бессмысленности вновь снижают напряжение существования, принимая усталых, ослабевших, бесцельных существ в последние объятия породившего их полдня назад Изначального Тумана Молочного Забвения. Что это за существа? Какова их роль, их доля, их цель в раскладе законосообразного и причинного? Зачем они, беспомощные, никому не нужные, вызывающие, может быть, умиление, изумление, жалость, скорбь и, вместе с тем, беспричинное восхищение?

Столь же обреченно мимолетна и жизнь человеческая: возьми его как просто животный организм вроде бы удачливого вида homo sapiens, или же относясь к нему как к субъекту относительно самостоятельно целеполагающих последовательностей, называемых собственно "биографией сознания". Все же в наибольшей мере соответствует аналогии эфемерид изредка случающееся, прекрасно-

болезненное, загадочно-бесполезное, бесцельное и трагическое пробуждение духа: сознания, пораженного тщетой, сознания, бьющегося в клетке жизни и вида в попытках выйти за пределы своего удела, став бесконечным и необусловленным. Последнее можно назвать и гордыней, и человекобожескими устремленностями европейской "фаустовской" души, непонятными и, может быть, презируемыми другими культурами. А можно – явлением нежно-печальной, щемяще-прекрасной Красоты жизни и бытия, одного рода с полетами бабочек-однодневок, бабочек-эфемерид.

Видовая продолжительность жизни человека вряд ли отличается многим от большинства животных организмов. Животным далеко до рекордов долголетия растительных организмов, таких как дубы, эвкалипты или же баобабы. Жизнь в постоянных резких передвижениях требует больших расходов витальной энергии, ее постоянных возобновлений через поиск пищевых ресурсов, значительно повышает риски неестественной преждевременной смерти. Может быть биологи со мной и не согласятся, но возможно более целесообразно измерение видовой продолжительности жизни человека по показателю возраста завершения репродуктивного периода у женщин – базовой модели вида. Этот возраст, как известно, равен в среднем – 45-55 годам. Это же укладывается в средние параметры жизни многих высокоорганизованных животных организмов. Дополнительные, столь высоко ценимые 25-30 лет – результат скорее защитных, сохраняющих, консервирующих усилий культуры: новой самоорганизации жизни высших животных, называющих себя "людьми".

Средний, естественный, пятидесятилетний возраст человеческой особи биологически рационален: каждый в принципе способен после достижения половой зрелости родить и вырастить (довести до половой зрелости) свою смену. Историки свидетельствуют о том, что на протяжении практически всей человеческой истории (вплоть до XX в.) такая средняя продолжительность в 50 лет и была естественным пределом в абсолютном большинстве традиционных человеческих культур.

Следует всегда помнить о том, что называется собственно "нами", *homo sapiens*, людьми (сознание, душа, образ Божий если угодно) – есть в чистом виде некое идеальное новообразование, случайно появившееся как дополнительная функция выживания. Затем оно развивается на своей собственной основе, создает системы защиты и контроля в отношении своего местопребывания, своего носителя тела. Однако оно ни на йоту пока не в состоянии изменить эволюционно-биологический, видовой (генетический) формат своего существования. Ничего другого, кроме данного природой (жизнью или кодом ДНК: предшествующей эволюционной историей живых организмов) тела, коему отмеряно 50 биологических

лет и 20-30 в среднем добавочных, "культурных" лет, сознание, дух не имеют.

Оно же, тело, живет своей, абсолютно независимой от сознания, жизнью – по своим ритмам, срокам и планам. Можно улучшать эту телесную жизнь, оптимизировать ее и, тем самым, культурно удлинить, или напротив, создавать своему телу проблемы и "укладываться" в естественно-видовые рамки жизненной длительности, – однако нельзя изменить ее общий принципиально (биологически, генетически) возможный срок, направленность и главные фазы самореализации, программируемыми неким генетическим, видовым Map.

Мы прежде всего, изначально и неустранимо, животные – в том смысле, что местопребываем в практически независимом от нас животном организме, который имеет свои цели и предназначенности, живет своей жизнью, чтобы мы об этом не думали. Мы можем считать себя чем-то из ряда вон выходящим, эфирными созданиями, бесплотными духами либо расой разумных владык природы, но факт нашего нахождения в живущем своею жизнью плоти вряд ли оспорим.

Молодая плоть, покрытая розовой и упругой кожицей, источающей свежесть, мгновенно незаметно становится старой морщинистой рухлядью, натянутой серым пергаментом с темными пигментными пятнами – знаками и запахами совсем уже близкого трупного разложения. И чтобы мы не говорили и не думали о себе как о сознании, о "я", о "духе" – все это лишь эпизод той первичной, природной и первородной жизни. Жизни крайне краткой – потому что "не для себя" эта жизнь, а всегда для другой, сменяющей нас жизни. Краткость, мимолетность жизни биологической становится рельефным обстоятельством, давящим фактом бытия – когда они осознаются, т. е. подвергаются напряженно-темпоральной деформации. Появление сознания собственно и означает появление человеческого временного формата существования: в болезненных тисках "прошлого – настоящего – будущего".

Известно, что в нашей полосе существования (макромир окрестности Земли) наличествует лишь настоящее. Может существовать, и скорее всего есть, другие временные форматы в масштабах более глобальных. Однако, если ограничиваться тем, с чем мы имеем дело, то главное, что отличает сущность, называемое "сознанием" от прочего окружающего – это именно специфическая временная самоорганизация. Полагаю, что сознание и есть необычное временное измерение как состояние особо организованного локуса бытия: индивидуального мозга и социальной деятельности множества человеческих индивидов. Становление сознания и означает постепенную пожизненную темпоральную трансформацию.¹

¹ См. Красилов В.И. Синдром существования. Томск. 2002. –С.9-108.

Человеческое бытие и есть становление особого, человеческого времени – как о том справедливо писал Хайдеггер, правда, как и в свое время Гегель, немислимо спекулятивным, т. е. вычурно-идеалистическим, отчужденным от реалий повседневности языком. Сознание – особое временение, вернее пожизненное (экзистенциальное) складывание собственно человеческого времени – ощущения, переживания своего присутствия. Конечно, – через, посредством – активной жизнедеятельности и мыследеятельности.

Так вот, еще более мимолетна собственно жизнь человеческая, как жизнь сознания, а не как лишь животного организма. Речь идет о двух вещах:

- > о мимолетности вообще миггов жизни сознания собственно "для себя";

- > о мимолетности, порождаемой особенностями переживания времени в основных возрастах человека: от "некогда" – к "никогда".

Несложные расчеты показывают, что в среднем человек ежедневно может иметь от силы 2-4 часа для того, чтобы заняться собой, своими проблемами, не связанными с заботами выживания и функционирования. В среднем треть суток мы вообще обездвижены, выключены из режима бодрствования, собственно осознаваемого, освещенного светом активного внимания. 8 часов рабочего дня большинства взрослого населения также вряд ли располагают к уединению с собой. Конечно, найдутся люди, способные к использованию части служебного времени для себя – однако по понятным причинам это чревато осложнениями. Приготовление и прием пищи, физиологические отправления, семейные и социальные обязанности, брачная охота, сексуальная жизнь, необходимые для организма развлечения и релаксация – занимают, по сути, остальные 8 часов. Эта, львиная доля жизни человеческой сродни зоологическому существованию. Это время "не исторично", т. е. оно не организовано никакими особыми личностными целями, а подчинено и размечено органическими ритмами: питание – выделение, размножение, восстановление пр. Соответственно, никакой "истории" (особой биографии) быть здесь и не может, а человек ничем не отличается от других животных организмов в рамках их популяций. В этом сегменте своего существования, который занимает у многих весь спектр их жизни, человек "имеет семью, растит детей, следует традициям, служит отечеству и т.п." Мимолетность здесь оборачивается к тому же и ужасающей бессмыслицей "просто особи", "просто животного". К счастью для этих многих биосоциальное целое определяет такой горизонт миропредставлений, в котором отдельное сознание и не видит пределов, лимитов своей свободы. История народа, культуры становится единственной и личностной историей индивида, а последний – сегментом Целого. Чувства мимолетности здесь нейтрализуются ощущениями вечности своего присутствия в

жизни необозримо длимого рода, этноса – суперорганизма, имеющего свою уникальную историю. Для этого типа людей, составляющих, вероятно, более $\frac{3}{4}$ современного населения планеты, тема, составляющая предмет данного обсуждения покажется надуманной и непонятной. Оставим их в их счастии и позавидуем, отчасти, им ("счастливые часов не наблюдают").

Лишь при условии стабилизации личного режима существования, его рутинизации и сознательной политики минимизации социальных обязанностей, начало чему еще положили древние ("скрывайся и таись"), – человек может выкроить те желанные 2-4 часа в сутки для себя.

В более привилегированном положении находятся вроде бы лица так называемых "свободных" (писатели, художники, актеры) либо "полусвободных" (сторожа и преподаватели вузов) профессий, которые не привязаны к жесткому каждодневному временному лимитированию. Однако это скорее иллюзия свободы. Эти люди работают, и заметьте – не на себя, а на поддержание жизни (делая на потребу, удовлетворяя вкусы потребителей, заказчиков, рынок), затрачивая сил неизмеримо больше, нежели те, чей труд каждодневно лимитирован. Исключение, экономическую свободу получают единицы, гигантским напряжением труда и способностей, а то и просто удачей, становящиеся известными и популярными, что начиная с Нового времени (появление книжных рынков, рынков произведений искусств, потом индустрии развлечений) означает достаток, а то и богатство.

Но что же дают среднему человеку эти выкроенные ежедневно 2-4 часа "для себя"? Как правило мозаику разорванных моментов, заполняемых любимыми занятиями: чтением, собирательством, поделками, играми, поисковой активностью (охота, рыболовство, донжуанство и пр.) и т.п., тем, что называется "хобби" и по сути совпадает с релаксацией. Они изредка объединяемы какой-либо генеральной целью и образуют последовательности – типа "собрать возможно более полную коллекцию чего-либо" и чаще объединены стремлением скорее имитирующим смысл: "стать (самым) совершенным, искусным в чем-либо".

Тем не менее, в этих урывках свободного, "своего" времени – от рутинного существования – человек, похоже, и может быть настолько счастлив, насколько это возможно. Разумеется, помимо других, столь же важных, но более социализированных, функциональных форм его существования типа "семейного благополучия" или "профессиональной карьеры". Однако если индивидуальный успех в подобных социализированных формах существования зависим все же в большей степени от непредсказуемых игр социальных случайностей (оставим мифы о равных возможностях и вознаграждаемых талантах

многочисленным идеологиям), то лишь в сфере свободной самореализации многое действительно зависит от индивидуальности.

Человек лишь здесь может стать самим собой, таким, каким он сам хочет быть (оставляем в стороне "профессиональный аскетизм", когда человек становится "совершенным орудием", "идеальной функцией" – гениальным ученым, полководцем, конструктором, экономистом и пр.) Потому-то и столь экзистенциально ценна эта сфера человеческого индивидуального существования для современной индивидуализированной культуры, что лишь здесь и возможно фундаментальное фундирование, т. е. нахождение (создание) своего смысла существования, не связанного с социальным функционированием ("вырастить сына, посадить дерево ..." и пр.) или хотя бы какое-то его имитирование.

Меж тем сфера нашей относительно свободной самодеятельности всегда фрагментарна, мозаична, оформляется довольно поздно в биографическом смысле. Человек бывает "у себя" гораздо реже, живет "у себя" гораздо меньше, нежели в биологическом либо социальном форматах существования. Самая же большая проблема именно в неустановленности, неотформатированности режима личностного осознанного, добровольного существования. Биологические и социальные форматы установлены еще на заре человеческих сообществ: продолжение себя в детях, смыслы служения "народу, человечеству", профессиональные достижения, ассоциируются со славой, престижем, богатством и пр. Личностные форматы были долгое время маргинальны – в силу коренной заинтересованности социума в ценностной унификации сознания своих членов. Подобная неустановленность (здесь каждый должен сам установить цели, последовательности их достижений) превращает эту сферу человеческого существования, "экзистенциальную отдушину" – в мозаику мгновений. Лишь цель или смысл сообщают временной последовательности глубину и объем. Именно они *ткнут полотно времени*, соединяя мгновения в длинноты, давая сознанию чувство длительности временной дистанции. Потому-то мгновения личностного самодеятельного существования, зачастую и как правило, не соединены собственными смысловыми скрепами, остаются мимолетными моментами. В них человек бывает счастлив, но они неуловимы и вроде их как бы и не было и задумается человек после прохождения своего срединного жизненного рубежа: "Кто же он?" И не видит ничего более, нежели биологические либо социальные роли: отец, мать, профессионал, гражданин – и ничего более, отличающего его от миллионов таких же как он. Хотя на деле все те, кто имеет хотя бы мало-мальски незашоренное свободное воображение интуитивно знает, или скорее чувствует, свою неповторимость, реализуемую в себе и у себя, но ленится или же

боится взять на себя лишний, бесполезный, неблагодарный груз самокопания и самонасилия.

Другая экзистенциальная причина чувств мимолетности своего присутствия в этом мире может быть найдена в особенностях переживания времени сознанием в трех возрастных градациях.

Особенности сознания в "детстве – юности – зрелости – пожилом возрасте" у людей, чье развитие идет в формате биосоциальной программы "сегментарного человека" всецело зависят от органического плана жизни, особенностей социализации и инкультурации, которые изменяют в сознании соотношение основных его сфер: воображения, памяти и рефлексии. Подобное нерасторжимое единство изменений в организме (меры остроты, полноты, свежести восприятия, половое созревание и угасание, динамика роста объема мозгового вещества и пр.) и в конфигурациях доминирования в сознании тех или иных его сфер (в юности – воображение, в зрелом возрасте – рефлексия, в старости – память) – определяют нахождение человека последовательно в разных режимах бытия *расщепленного* времени. Что это означает?

Лишь отвлекаясь от возрастных особенностей, мы можем говорить о том, что человек "свободно владеет своим чувством времени", присутствуя "равномерно" в прошлом (в своей памяти), настоящем (в этом-вот мгновении) и будущем (в надежде, уповании). Такое под силу лишь тренированному в абстрагировании и отвлечениях сознанию. На деле же сознание человека, проживающего жизнь в разных своих возрастных границах имеет, всякий раз, непропорциональную сдвинутость в то или иное время, которая обусловлена вышеупомянутыми особенностями развития органики и процессами социализации/инкультурации. Подобная сдвинутость в чувствованиях времени, когда живут более в ожидании будущего, смаковании настоящего или же уже лишь во власти воспоминаний означает отсутствие реального "владения временем", т. е. практическую неспособность к равномерности, стабильности, рациональности и полнообъемности временного переживания по "идеальной схеме" Августина: "сознание переправляет временной миг по цепочке из будущего через настоящее в прошлое, владея им в его тотальности". Временные чувствования сознания расщеплены по возрастным формациям, где надежды предварения будущего составляют "цвет времени" нежного романтического возраста, гонка наперегонки с настоящим определяет основной тон временного состава зрелости, а накопленная память окрашивает временные чувствования пожилых в меланхолические краски прошлого.

Мимолетно мгновение именно вследствие подобной постоянной реальной расщепленности наших чувствований времени, ибо оно не пребывает константно в гипотетичном рациональном континууме трех своих измерений, удерживаясь во взаимно нейтрализующем

взвешивании аспектов-страстей своих чувствований "прошлого – настоящего – будущего", а *приходит и уходит* вместе с ведущими возрастными переживаниями и заботами.

Более того, разные возрастно-временные форматы нашего существования разделяют его на качественные сектора, меж которыми сохраняется часто лишь видимость преемственности. В них наличествует свой, отличный темп жизни и свои характерные переживания длимости существования. Сознание в каждом из трех последовательных своих возрастных состояний оказывается как бы внове, начиная почти с чистого листа. Прежние ощущения и переживания остаются во мгле ушедшего и выглядят как один пронесшийся миг, который уже непонятен, сладостен и прекрасен. Юноша не понимает, страшится, но и жаждет зрелости, зрелый снисходительно удивляется своим прежним незрелости и глупости, пожилой сокрушается о крайностях юности и нелепостях взрослой суетливости.

Такая внутренняя качественная разгороженность в нашем существовании делает невозможным наличие единой сквозной перспективы и полнообъемности в чувствованиях собственной идентичности. Жизнь оказывается составленной из качественно неповторимых, безвозвратно утекающих мимолетностей, слабое свечение которых в памяти и создает ощущение гостевания, единоратности и зряшности.

Эти ощущения интенсифицируются, создавая особый тон существования и настоящих эфемерид среди людей, не дневных, но скорее ночных мотыльков, которые почему-то начинают сторониться своих собратьев и жить в уединенности ночи. Смысл жизни их нелеп и вне мира сего. Как ночные мотыльки они устремляются к чарующему, неведомому и смертельно опасному пламени трансцендентного, запредельного, невещественного.

Люди, чье сознание предпочитает свой вымышленный мир реальному – в какие бы мифологические, религиозные или философские формы он не облакался – появляются в преддверии городских культур, в процессе складывания уже развитых религий, искусств и философских учений. Они, собственно, и создавали их, знаменуя собой появление "метафизического человечества" – постоянно затем самовоспроизводящиеся группы людей, чья жизненная мотивация, ценности и чувствования времени существенно отличны от большинства населения. Люди "осевого времени" острее других начинают чувствовать мимолетность нашего удела. Основное условие их появления и сохраняющего воспроизводства – отчуждение, отрыв от пуповины коллективного сознания, экономическая возможность жить вне скотского порабающего физического труда основной массы населения, осознания себя как критика "ценностей". Их общий признак, таким образом, выпадение из

социопрактических реалий, утеря "видовых корней". Свобода духа означает разрыв с жизненными устоями крови и территории, создает "свободнопарящую интеллигенцию" (Манхейм).

Древнюю традицию почитания умственных, отвлеченных от жизни занятий – признака обладания свободным временем, разрушил Ницше. Уединение в сознании ослабляет волю к власти, потворствует слабым в их слабости и лени отказу от активизма борьбы – неоднократно говаривал он в своем "заратустровском" периоде.² Правда затем, в набросках к "Воли к власти" он уже во многом отходит от примитивизма в толковании воли: жизненное напряжение может реализовываться и в иных, нежели повседневность, сферах.

Определенный резон в "критике духа" со стороны "философов жизни", конечно, есть. Да, люди, создающие себе вымышленный мир собственных фантазий и живущие в нем – "трутни". Да, они "страшно далеки от народа", живущего в простых, нужных и понятных занятиях. Действительно, "народу", т. е. подавляющему большинству населения любой общности чужды и далеки "все эти науки и философии", который вполне бы обошелся, в плане духовного потребления, националистической мифологией и религией. Скорее практический эффект наук и индивидуалистических ценностей, появившихся из первых теоретизирований древних религий и философий, создавших в Новое время высокопроизводительную цивилизацию, – примиряют "население" со "свободнопарящей" интеллигенцией. К тому же последняя во многом заменяет по своим социальным функциям древнее жречество, колдунов, затем попов.

Просто эти люди, сочиняющие стихи и романы, философские трактаты и научные монографии, пишущие музыку и религиозные проповеди, картины и нравственные сентенции, способны выразить то, что чувствует большинство. в том числе и щемящее чувство мимолетности бытия, прорывающееся, время от времени, в настроениях ностальгии, жалости к себе, недоумении от того, что прежде казалось высокоценным и значительным.

Почему именно эти бездельники, чудаки и шелкоперы обладают этой чудесной способностью к созданию "вторичной реальности", фокусировано выражающей мир человеческих страстей и ожиданий (иначе зачем подобное удвоение)? Этому невозможно научиться или приобрести, это – результат "мутации сознания", ставшей затем интеллектуалистской традицией, которую каждый раз проживают, становясь ей персонифицировано.³

² Парадокс, человек, являвшийся интеллектуалом высшей пробы, он прославлял совершенно чуждый ему антропологический тип, зоологическую волю к грубой практической власти. Он сам бы был последним из рабов, был бы помыкаем как шут и ничтожество в том обществе, которое было бы организовано в соответствии с принципами его философии.

³ См. о механизмах радикальной персонализации – Красиков В.И. Персонализация присутствия // Человеческое присутствие. М. 2003. – С. 60-94.

Мутация в развитии сознания означала появление наряду с традиционной сферой ценностей, мотиваций и идеалов ("вырастить сына, посадить дерево..."), другой сферы, имеющей в качестве основ интеллектуальную традицию "осевого времени": параллельность, альтернативность особого духовного начала в человеке в оппозиции вещественному, социоматериальному, нравственное самостояние и "конструирование себя".

Однако, что означает "усвоение" подобных альтернативных ценностей настолько, чтобы в сознании возник реально параллельный мир, замещающий в главных своих моментах "житейскую мудрость"? Это итог не обучения, а результат серьезных внутренних изменений в естественно-темпоральном расписании развития сознания.

Суть подобных изменений – в формировании в сознании некоего особого уровня, сектора, который не только автономен по отношению к остальным сферам, обслуживающим поведение в повседневном мире, но и захватывает реальную власть в определении жизненной стратегии. Создание нового уровня сознания, сектора духовной активности происходит, как правило, в жизненном среднерубежье у разных людей по-разному. Его оформление идет либо на базе профессиональной деятельности (профессия как призвание, служение, аскеза), либо на базе хобби, вне профессиональной активности, также целиком захватывающей человека. Здесь и появляется собственно индивидуальная "история", собственно авторская идентичность, отличные как от видовой, так и от социокультурной функциональностей. Это то, что в экзистенциализме называется "проектом бытия", т. е. постановкой собственных целей, деятельностью по их реализации, последовательностью постановок, внутренних переворотов, перерождений. Короче это сцена, где играется пьеса "поисков самоидентичности", а режиссура, авторство и исполнение ролей принадлежит новому "я" – "я" этого нового уровня, нового мира. Но, заметьте, мира – в контексте прежней среды обитания.

Люди, внутри которых происходят подобные трансформации сознания, остаются ведь в принципе теми же и в том же социокультурном окружении. Остается прежнее поведенческое, социальное "я" (роли, привычки, габитус), остаются семья, друзья, наконец остается свое старое доброе тело, живущее по своей же программе. Время прежнего, социально-поведенческого "я" синхронизовано как с жизнью тела, так и со своим социокультурным контекстом и расписанием.

Но вот наряду с прежним появляется нечто новое. Это новое идеалистическое "я", по-иному переживающее время. Возникает своего рода "программный конфликт": сосуществование, противоречие и потребность в синхронизации двух "я", двух переживаний времени. Это, с одной стороны, дает этим людям

способность острее ощущать (через контраст) и выражать свою временность, с другой же, как плата за то, интенсивнее прочих маяться острым чувством мимолетности и тщетности. Подобная острота – от столкновения двух временных планов сознания: видового, социокультурного и личностного, экзистенциального.

Особенность нового временного плана, времени "игрового сектора" – в его принципиальной открытости, незавершенности, значит – вечности. В обычной жизненной последовательности поведенческое "я", утомляясь гонкой с настоящим в зрелом возрасте, постепенно утрачивает свой деятельностный пыл, остывая и погружаясь в тень прошлого, с обреченным пониманием сознавая тщету усилий и неминуемость завершения. Если же возникает новое, идеалистическое "я", смысл существования которого в нескончаемой игре в самоопределение, то происходит своего рода возвращение во временной формат юности. Это новообразование не связано, мало синхронизовано со своим носителем, телом.

Идеалистическое "я" живет в лихорадке постоянного предварения – предвкушения нового творчества, нового проекта, целей, обуреваемо теснящимися замыслами, каждый из которых обещает новую радость открытия, новизны, значимости и, что главное, более совершенную, зрелую самореализацию. Жизненное напряжение держится постоянно в высоком тоне, а продуктивность только возрастает. С одной стороны, это удлиняет, растягивает время в его субъективном восприятии – большое количество артикулируемых вниманием действий создает высокую плотность проживания. Временные интервалы (часы, дни), помеченные важными делами, реализацией своих проектов сообщают неординарность, масштабность прожитому времени, делая зарубки в памяти более учащенно, нежели в заурядном ленивом проживании.

С другой же стороны, время проживания идеалистического "я" также и невероятно сжимается. Если оно "растягивается" внутри делания проекта, достижения какой-то отдельной цели, то оно убыстряется невероятно между проектами и целями. Здесь самое ценное для него – состояние открытости и возможностей, ощущения того, что последующее непременно будет лучше и совершеннее. Это безостановочная, раскручивающаяся спираль прогресса, не имеющего определенной финальной цели под лозунгом Э. Бернштейна: "цель – ничто, движение – все". Соответственно, время здесь в целом по сути останавливается: идеалистическое сознание всегда находится в состоянии делания какого-либо проекта и в состоянии уже предвосхищения нового. Лихорадочное, азартное делание сохраняет постоянную юность духа, его бодрость, желание жить и творить. Эта неостановимая (из себя) круговерть и есть состояние "вечности", ощущение времени, трансцендентное обычному переживанию.

Возникает своего рода релятивистский эффект: в высокоскоростном жизненном ритме идеалистического "я" время останавливается, тогда как в обычном проживании тела и социального деятеля оно резко ускоряется. В восприятии интегрального "я" (сосуществование прежних и новых уровней самоидентичности в одном сознании) этот временной релятивистский эффект предстает в чувствах зыбкости, условности, мимолетности и тщеты.

Пребывая во времени "космических скоростей" проживания новая идеалистическая идентичность стремится дистанцироваться от своих прежних форм. Подобное самоотличение, чувство уникальности и избранности – важнейшее условие самого формата существования идеалистического "я". Все прежнее однако сохраняется, никуда не исчезает, переходя более в рецессивные состояния. Главное же, что время от времени охлаждает воспаленное воображение нового "я", – это своя размеренная и отмеренная, жизнь тела. Чтобы человек не сделал потрясающего и неслыханного, либо чтобы он не навообразил о себе в своем сознании – его тело так же стареет, слабеет, начинает постепенно разлагаться, как и тела его более ординарных сородичей.

И, просыпаясь время от времени от зачарованности собой ли, делом ли, несчастное сознание глубже, проникновеннее видит свою мимолетность и эфемерность, тщету и самообман – в кружевах полета своих воображения и фантазии – на фоне зловеще-бездушного оскала физической причинности и биологических судеб живого. Физическая немощь в конце-концов побеждает дух. Ослабевают и нежные крылья эфемерид. Долгожданная, обещающая отдохновение от зноя суеты дня, прохлада наступающей ночи оказывается опять не тем, чего ждут. Может единственно позитивное здесь то, что наконец-то прекращается обман самого ожидания или то, что собственно и называется "человеческим существованием".

Июль 2006